

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Файн Егор Денисович

**КУВОЛЮЦИИ И ФАКТОРЫ ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ В СТРАНАХ
САХЕЛЯ**

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ
на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук
Исаев Леонид Маркович

Москва – 2025

Постановка исследовательской проблемы

В 2010-2020-х гг. в странах Сахеля поднялась волна военных переворотов. За крайне короткий временной отрезок в указанном регионе начался быстрый рост числа переворотов¹. В 2019 г. произошел военный переворот в Судане. Произошло два переворота в Мали в 2020 и 2021 гг. Далее, неконституционный переход власти к Махамату Деби, сыну президента Идрисса Деби, в Чаде в 2021 году, военный переворот в Гвинее в 2021 году, и вновь в Судане в 2021 году. В 2022 году произошло сразу два переворота в Буркина-Фасо. В 2023 году произошел переворот в Нигере, а затем в Габоне, который находится за территорией рассматриваемого региона, но является бывшей французской колонией, как и многие страны Сахеля.

Помимо перечисленных выше успешных переворотов было немало попыток переворотов: в Нигере в 2021 г., в Гвинее-Бисау в 2022 г., в Сьерра-Леоне и в Буркина-Фасо в 2023 г. и в Чаде в 2024 г. Такая необычайная концентрация переворотов в отдельно взятом регионе и в ограниченный промежуток времени привела к появлению термина «пояс переворотов», который стал активно использоваться применительно к Сахелю, а также к прилегающим к ней западноафриканским странам, которые традиционно не относятся к Сахелю, но испытали схожие процессы². Географически Сахель — это прежде всего природная область, переходная зона между Сахарой на севере и более плодородными районами на юге. В данной работе во внимание принимается Сахель во всей его географической полноте. В географический регион Сахель включают Сенегал, Мавританию, Буркина-Фасо, Мали, Нигер, Чад и Судан³. Помимо стран, относящихся к Сахелю, в данной работе также

¹ Okeke J. M., Ahmed F. From fighting Jihadists to fighting Juntas: Explaining the recent resurgence of military coups in Africa, and how to prevent recurrence. // ACCORD. August 31, 2023. URL: <https://www.accord.org.za/analysis/from-fighting-jihadists-to-fighting-juntas-explaining-the-recent-resurgence-of-military-coups-in-africa-and-how-to-prevent-recurrence/#> (дата обращения: 10.09.2024); Africa Center for Strategic Studies. Africa's crisis of coups. // Africa Center for Strategic Studies. September 6, 2023. URL: <https://africacenter.org/in-focus/africa-crisis-coups/> (дата обращения: 10.12.2023).

² Walsh D. Coast to coast, a corridor of coups brings Turmoil in Africa. // The New York Times. July 29, 2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/07/29/world/africa/africa-coups-niger.html> (дата обращения: 25.11.2023).

³ Grove A. T. Geographical introduction to the Sahel // Geographical journal. 1978. Vol. 144. No. 3. P. 407-415.

подробно рассматривается Гвинея, которая является сопредельной с Сахелем страной и входит в «пояс переворотов»⁴.

Учитывая высокую концентрацию военных переворотов, неизбежно встает вопрос, чем обусловлена такая интенсивность. Для Африки военные перевороты не являются редкостью, множество переворотов имело место в XX веке, в период от начала деколонизации до завершения Холодной войны⁵. И хотя в первом десятилетии XXI века количество военных переворотов было значительно меньшим, чем, например, в 1970-е и 1980-е гг., последние 10-15 лет были сравнимы с предыдущими периодами по количеству переворотов и их попыток⁶. Поэтому можно однозначно сказать, что происходящие события в регионе являются отражением достаточно серьезных изменений на континенте в целом.

В первую очередь, регион подвергся влиянию Арабской весны, которая стала второй крупной волной революций в XXI веке; ее последствия оказались значимыми в том числе и для всей Африки. Падение североафриканских режимов сильно обострило вопросы безопасности в сопредельном Сахеле. Именно с Арабской весны начинается усиление нестабильности, существовавшей в регионе и ранее, что проявилось в росте числа массовых беспорядков, террористических актов и вооруженных восстаний⁷. Во-вторых, в настоящее время вся Африка южнее Сахары проходит через период структурных трансформаций, которые связаны с глобальным изменением мирового порядка. В рамках этих трансформаций африканские страны ищут пути для освобождения своих финансов, вопросов безопасности, промышленности и производства научного знания от влияния бывших колонизаторов. Многие перевороты последних лет сопровождались анти-

⁴ Engels B. Coups and neo-colonialism //Review of African Political Economy. 2023. Vol. 50. No. 176. P. 147-153.

⁵ Pryce D. K., Time V. M. The role of coups d'état in Africa: Why coups occur and their effects on the populace // International Social Science Journal. 2023. Vol. 73. No. 250. P. 1019-1034.

⁶ Chin J. J., Kirkpatrick J. African coups in the COVID-19 era: A current history. // Frontiers in Political Science. 2023. No. 5. P. 1077945.

⁷ Коротаев А. В., Мещерина К. В., Каткова В. Э. Эхо «арабской весны» в странах Африки южнее Сахары // Азия и Африка сегодня. 2019. №. 1. С. 17-24.

неоколониалистскими нарративами и мотивациями⁸, и, таким образом, они стали крайней формой борьбы африканских стран за свою субъектность.

Как было сказано выше, перевороты в Африке не остались незамеченными. Распространенной позицией отдельных авторов стал поиск геополитических ответов на вопросы о причинах переворотов⁹. Также причины такого большого количества переворотов политологи находят в неспособности международных и африканских наднациональных организаций давать на них единые ответы¹⁰. Военные африканских стран получают смешанные сигналы: какие-то военные перевороты совершенно не вызывают негативной реакции, в то время как другие становятся причиной для международного давления на целую страну¹¹. Это можно проследить на примере того, насколько различные международные последствия были у конституционного переворота в Чаде в 2021 году и переворота в Нигере в 2023 году.

Говоря о политическом кризисе в Сахеле, важно также отметить большое количество российских научных работ, посвященных текущим процессам в Африке. В первую очередь, стоит отметить работы, посвященные процессам изменения баланса сил на континенте в целом¹². Масштабная трансформация Африки приводит к изменению режимов в отдельных странах. Также стоит упомянуть, что российские ученые исследовали отдельные

⁸ Engels B. Coups and neo-colonialism // Review of African Political Economy. 2023. Vol. 50. No. 176. P. 147-153.

⁹ Aning K., Axelrod I. Resurgent Coup d'États, Democratic Reversals, and Geopolitical Shifts in Africa // Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 254-269.; Ricard M., Antouly J., Guichaoua Y. Anatomy of a Fall: Understanding France's Reluctant Retreat from Central Sahel // Geopolitics. 2025. P. 1-32.

¹⁰ Onapajo H., Babalola D. ECOWAS and the challenge of preventing a resurgence of coups d'état in West Africa: An assessment of the 'Zero Tolerance' policy // South African Journal of International Affairs. 2024. Vol. 31. No. 1. P. 23-44.; Surazu M. M., Stefanović-štambuk J. The Cause of Diplomatic Failure in the Sahel Region and the Rising Coups // International Journal of Research and Innovation in Social Science. 2023. Vol. 7. No. 12. P. 1005-1012.; Никэз А. Я., Мезяев А. Б. Политические потрясения в ЭКОВАС: преобладание политики над правом // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. №. 2. С. 102-117.

¹¹ Shannon M., Thyne C., Hayden S., Dugan, A. The international community's reaction to coups // Foreign Policy Analysis. 2015. Vol. 11. No. 4. P. 363-376.

¹² Дегтерев Д. А. Ресуверенизация Африки в контексте формирования нового миропорядка // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. №. 4. С. 29-48.; Филиппов В. Р. Системный кризис «Франсафрик» // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. №. 2. С. 144-156.; Никэз А. Я., Мезяев А. Б. Политические потрясения в ЭКОВАС: преобладание политики над правом // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. №. 2. С. 102-117.

случаи военных переворотов в Сахеле¹³, выделяя социально-экономические проблемы, проблемы безопасности и проблемы международного регулирования, как основные факторы военных переворотов в таких странах, как Буркина-Фасо и Нигер.

Одним из факторов политических потрясений также является демография. Как было продемонстрировано Дж. Голдстоуном, удельный вес молодежи может влиять на возникновение нестабильности¹⁴. Российскими авторами было показано, что «молодежный бугор» (необычно высокая пропорция молодежи во взрослом населении) повлиял на возникновение политических конфликтов в прошлом¹⁵ и в современных революционных волнах¹⁶. Таким образом, Сахель, как один из самых молодых регионов мира также подвержен данному эффекту.

Если же говорить о поиске внутриполитических кросс-странных факторов, то сделать какие-либо обобщающие выводы достаточно сложно. Научные работы по последним переворотам существуют, но их не так много, а их выводы разнятся. Некоторые авторы пишут о богатой истории переворотов в Африке, о стремлении военных к власти и о наличии особого вида сменяемости власти, где гражданская власть обязательно чередуется с военной¹⁷. Другие ищут то, какие проблемы действующей власти ведут к переворотам. Например, Даниель Прайс и Виктория Тайм выделяют для африканских переворотов такой набор факторов, как низкая легитимность

¹³ Жерлицына Н. А. Буркина-Фасо и террористический кризис в Сахеле // Неприкосновенный запас. 2022. Т. 5. №. 145. С. 165-177.; Филиппов В. Р. Буркина Фасо: путч 2022 года // Азия и Африка сегодня. 2022. №. 7. С. 40-47.; Филиппов В. Р. Кризис в Нигере: причины и последствия военного переворота 2023 года // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. №. 2. С. 147-170.; Денисова Т., Костелянец С. Политический кризис в Буркина-Фасо: внутренние и внешние факторы дестабилизации // Пути к миру и безопасности. 2023. Т. 65. №. 2. С. 73-90.

¹⁴ Goldstone J. A. Population and security: How demographic change can lead to violent conflict // Journal of international affairs. 2002. Vol. 56. No. 1. P. 3-21.

¹⁵ Нефедов С. А. «Молодежный бугор» и первая русская революция // Социологические исследования. 2015. №. 7. С. 140-147.; Шульц Э. Э. Приход нацистов к власти в Германии и концепция «молодежного бугра» // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2015. Т. 36. №. 3. С. 98-101.

¹⁶ Коротаев А. и др. О некоторых социально-демографических факторах интенсивности антиправительственных демонстраций: доля молодежи в населении, урбанизация и протесты //Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. №. 3. С. 98-128.

¹⁷ Karamalla-Gaiballa N. The Role of Military Interventions and Coups D'état in Subverting Democratic Processes in Sub-Saharan Africa // Obstacles to Democracy in Sub-Saharan Africa: Key Challenges Seen Through a Sudanese Lens. Cham : Springer Nature Switzerland, 2025. P. 25-59.

действующего правительства, политическая нестабильность и нестабильность демократии¹⁸. Джон Чин и Джессика Киркпатрик выделяют для последней волны переворотов такие факторы, как бедность, присутствие исламских радикальных групп, нестабильная демократия, этнические расколы и «ловушка переворотов» – факт того, что в стране уже недавно был переворот¹⁹. В то же время есть авторы, которые ставят на первое место Францию и французское влияние в качестве основной предпосылки военных переворотов, утверждая, что данные перевороты являются выражением народного сопротивления французскому неоколониальному влиянию²⁰.

Представление о кризисе в регионе будет неполным без понимания неоколониальной системы «Франсафрик». Система «Франсафрик» представляет собой неформальный механизм неоколониального влияния Франции на страны Африки к югу от Сахары, сформировавшийся после получения ими независимости в 1960-х годах. Она основывалась на тесных связях между французскими элитами и африканскими правителями, охватывая экономическую, политическую и военную сферы²¹. Через механизмы прямого военного вмешательства, тайное финансирование режимов, монопольный доступ к сырьевым ресурсам и контроль валютной системы через франк КФА, Франция поддерживала политическую стабильность в угоду своим интересам, часто в ущерб развитию африканских стран²². Также важно отметить, что «Франсафрик» является представителем

¹⁸ Pryce D. K., Time V. M. The role of coups d'état in Africa: Why coups occur and their effects on the populace // International Social Science Journal. 2023. Vol. 73. No. 250. P. 1019-1034.

¹⁹ Chin J. J., Kirkpatrick J. African coups in the COVID-19 era: A current history. // Frontiers in Political Science. 2023. No. 5. P. 1077945.

²⁰ Sylla N. S. The crisis of French imperialism: debating military coups in Africa // Review of African Political Economy. 2024. Vol. 51. No. 181. P. 463-489.; Anani G. International policy coups d'état in Francophone African countries causes, consequences and international responses // African Journal of Political Science and International Relations. 2023. Vol. 17. No. 4. P. 54-64.

²¹ Филиппов В. Р. «Франсафрик»: тень Елисейского дворца над Черным континентом. М.: «Горячая линия-Телеком», 2016. 376 с.; Smith S. W. France in Africa: A New Chapter? // Current History. 2013. Vol. 112. No. 754. P. 163-168.

²² Taylor I. France à fric: the CFA zone in Africa and neocolonialism // Third World Quarterly. 2019. Vol. 40. No. 6. P. 1064-1088.; Филиппов В. Р. «Франсафрик»: тень Елисейского дворца над Черным континентом. М.: «Горячая линия-Телеком», 2016. 376 с.

интересов «коллективного Запада» и НАТО в Африке южнее Сахары²³. Однако с начала XXI века система «Франсафрик» претерпевает трансформацию под влиянием растущей критики, усиления антифранцузских настроений, конкуренции со стороны Китая, России и Турции, а также изменения международной среды²⁴. Резкий рост антифранцузских протестов и череда военных переворотов в странах Сахеля, приведших к сворачиванию французского военного присутствия в Мали, Буркина-Фасо и Нигере напрямую связан с данной системой и недовольством среди граждан африканских стран. Таким образом, можно говорить о кризисе «Франсафрик» как системы влияния, хотя её элементы продолжают существовать в той или иной форме в разных странах. И хотя данный подход редуцирует проблему сугубо до вопроса французского неоколониализма, он отмечает важный момент – то, что данные военные перевороты зачастую были связаны с массовой мобилизацией населения.

В то время как в работах, указанных выше, признавалось наличие большого числа переворотов, игнорировался достаточно значимый компонент многих из них – предшествовавшие им массовые протестные кампании. Военный переворот в Мали в 2020 году произошел после противостояния между оппозицией и властью в течение нескольких месяцев²⁵. Военный переворот в 2023 году в Нигере произошел после того, как в течение достаточно долгого времени свои акции проводило антиправительственное объединение M62²⁶. Военные перевороты 2019 и 2021 гг. в Судане происходили параллельно с крупными протестами в столице страны Хартуме²⁷. Военный переворот в январе 2022 года в Буркина-Фасо тоже

²³ Давидчук А. С., Дегтерев Д. А., Сидибе О. Военное присутствие Франции в Мали: структурная власть субимперии" коллективного Запада" // Актуальные проблемы Европы. 2022. Т. 116. №. 4. С. 50-78.

²⁴ Филиппов В. Р. Системный кризис «Франсафрик» // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. №. 2. С. 144-156.

²⁵ Klobucista C., Bussemaker N. What to Know About the Crisis in Mali. // Council on Foreign Relations. August 12, 2020. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/what-know-about-crisis-mali> (дата обращения: 10.03.2023).

²⁶ Afriyie F. A. Demystifying the Season of Putsch in Africa's Sahel: Gaining Insight into Niger's Dynamics // The Strategic Review for Southern Africa. 2024. Vol. 46. №. 1 & 2.

²⁷ Benoist C. Sudan coup 2021: What is happening? // Middle East Eye. October 25, 2021. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/sudan-coup-what-happening-explained> (дата обращения:

произошел после антиправительственных протестов²⁸. Таким образом, можно сказать, что определенная доля военных переворотов последних лет произошла в контексте протестных кампаний. И этот аспект переворотов в Африке остается необъясненным в рамках политической науки.

Для описанных выше событий, сочетающих в себе черты военных переворотов и революций, такие исследователи, как Натан Торонто, Роберт Спрингборг, Марк Бейссинджер и другие предложили использовать термин «куволюция», который был получен в результате слияния терминов «coup» (переворот) и «revolution» (revolution)²⁹. Данный термин подчеркивает революционную природу режимных трансформаций, в которых одновременно присутствует протестная составляющая и вмешательство армии в качестве третьего участника противостояния между оппозицией и властью. Таким образом, изучение «куволюций» и их факторов позволяет посмотреть на «пояс переворотов» под иным углом: как на «пояс» достаточно комплексных революционных эпизодов. Более того, существующие исследования пока не затронули факт того, что появление «пояса переворотов» совпало по времени с появлением и так называемой третьей революционной волны XXI века, которую выделяют исследователи революций Дж. Голдстоун, Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев³⁰. Данная работа рассматривает сложную, актуальную и неизученную в полной мере проблему возникновения большого числа куволюций в рамках региона Сахеля в XXI веке.

Исследовательская проблема данной работы, таким образом, заключается в недостаточности теоретического и эмпирического знания о куволюциях и о факторах, которые приводят к их возникновению в регионе

²⁸ Engels B. Transition now? Another coup d'état in Burkina Faso // Review of African Political Economy. 2022. Vol. 49. No. 172. P. 315-326.

²⁹ Toronto N. Egypt's 'Coup-volution' // Middle East Insights. 2011. Vol. 6. P. 1-3.; Springborg R. Learning from failure: Egypt. Bruneau T. C., Matei F. C. (eds.) The Routledge Handbook of Civil-Military Relations. New York: Routledge, 2012. P. 113-129.; Beissinger M. R. The revolutionary city: Urbanization and the global transformation of rebellion. Princeton: Princeton University Press, 2022. 548 p.

³⁰ Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. Introduction. Changing yet persistent: Revolutions and revolutionary events // Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (eds.) Handbook of revolutions in the 21st century: The new waves of revolutions, and the causes and effects of disruptive political change. Cham : Springer International Publishing, 2022. P. 1-34.

Сахеля. Соответственно *исследовательский вопрос* заключается в том, какие комбинации факторов ведут к возникновению куволюций в регионе Сахеля. Подобные военные перевороты во время протестных движений имели место и ранее, до появления термина куволюция и до недавних переворотов в Сахеле. Однако, во-первых, они крайне редко изучаются как отдельный тип революционного события или переворота (при этом в немногочисленных исследованиях комбинаций военных переворотов и революций имеет место путаница в концепциях: в различных исследованиях используются разные термины и определения). Иными словами, в большинстве работ факт того, что военный переворот последовал за протестами, а не возник сам по себе, не учитывается. Во-вторых, концентрация куволюций в коротком промежутке времени в географически близких странах является уникальной и до этого не встречалась.

Термин «куволюция», как уже указано выше, изначально использовался достаточно редко. Впервые он был употреблен в 2011 году исследователем в области международной безопасности Натаном Торонто, который использует его в своей статье, посвященной Египетской революции. По мнению Натана Торонто, несмотря на значительные успехи революционного движения в Каире, исход событий был предрешен участием армии и ее нежеланием разгонять демонстрантов. Отсюда следует и дальнейшее развитие термина, обозначающего специфическую революционную ситуацию, которая условно делится на два этапа: первый – это мобилизация революционного движения, протесты и демонстрации гражданского населения; второй – это переворот, который устраивает армия, которая, придя к власти, отчасти удовлетворяет требования революционного движения³¹. Однако в полной мере в академический оборот термин «куволюция» ввел Марк Бейссинджер, который не только предложил его использование в рамках большой работы, посвященной исследованиям революций, но и составил список таких событий

³¹ Toronto N. Egypt's 'Coup-volution' // Middle East Insights. 2011. Vol. 6. P. 1-3

в XX – начале XXI вв.³² Тем не менее, концептуализация куволюции также остается проблемой, так как отдельные работы по теоретическому развитию данного термина отсутствуют.

Степень разработанности проблемы

Проблема, поднятая выше, имеет две составляющие. В первую очередь, есть составляющая революционной теории и подхода к куволюциям как к событиям революционного характера. В этом контексте их изучение является продолжением многолетней традиции исследований революций, которая уходит корнями в XIX век. Во вторую очередь, есть составляющая военных переворотов в Африке, которая активно изучается и имеет богатую историю, начавшуюся вместе с историей независимой Африки в 1960-х гг. Для полного понимания степени разработанности обозначенной проблемы необходимо затронуть обе этих составляющих.

Область исследования революций на первый взгляд может показаться достаточно далекой от современной проблемы куволюций в Африке. Однако в течение времени предмет изучения теории революций и подходы к его изучению существенно трансформировались. В XIX веке изучение революций укладывалось в несколько основных парадигм. В первую очередь, это описательная парадигма, описание и сравнение событий Английской революции, Американской революции и Великой Французской революции. Уже в рамках данной парадигмы появляется понимание того, что революции могут быть разных типов: как писал Франсуа Минье, Английская революция изменила правительство, а Французская — общество³³. Данный взгляд является предтечей появившегося впоследствии разделения революций на социальные и политические. Другими парадигмами были модернизационная и марксистская, представленные Алексисом де Токвилем³⁴ и Карлом Марксом соответственно. В рамках данных взглядов, революция является неизбежным

³² Beissinger M. R. The revolutionary city: Urbanization and the global transformation of rebellion. Princeton: Princeton University Press, 2022. 548 p.

³³ Mignet F. A. History of the French Revolution from 1789 to 1814. London: George Bell Sons, 1896. 424 p.

³⁴ Tocqueville A. L'Ancien Régime et la Révolution. As trans. and published: The Old Regime and the French Revolution. New York: Doubleday, 1955. 320 p.

следствием общественного развития, прежде всего, экономического характера. Тем не менее, важно отметить, что на данном этапе пока не появляется систематизированных подходов к факторам возникновения куволюций.

Проследить историю развития революций можно различными путями, но, вероятно, наиболее систематизированным и известным является поколенческий подход, разработанный исследователем революций Джеком Голдстоуном³⁵. Каждое поколение теорий, выделяемое Голдстоуном, связано с определенной исторической эпохой в развитии социальных наук и смотрит на революции по-разному, а также выделяет различные факторы возникновения революций. Согласно данному подходу, первое поколение исследований появляется в 1920-х гг., и оно представлено такими авторами, как Питирим Сорокин³⁶, Лайфорд Эдвардс³⁷, Крейн Бrintон³⁸ и Джордж Петти³⁹. В рамках данного поколения, называемого иногда «естественной историей революции», революции воспринимаются отчасти как природные явления (особенно это заметно у Крейна Бrintона, пишущего об «анатомии» революции и описывающем ее причины как «симптомы»), которые происходят в результате неспособности государства обеспечивать базовые потребности населения и потери поддержки элит и интеллигенции.

Второе поколение появляется в 1950-1960-х гг. и представлено, в первую очередь, такими исследователями, как Тед Гарр⁴⁰, Джеймс Дэйвис⁴¹ и Чалмерс Джонсон⁴². Это поколение развивалось в период популярности бихевиоризма в социальных науках и, в частности, в политической науке. Это отразилось и на подходах ученых этого поколения: большое значение уделяется

³⁵ Goldstone J. A. Toward a fourth generation of revolutionary theory // Annual review of political science. 2001. Vol. 4. No. 1. P. 139-187.

³⁶ Сорокин П. А. Социология революции // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М: Политиздат, 1992. С. 266-294.

³⁷ Edwards L. P. The natural history of revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1927. 229 p.

³⁸ Brinton C. The anatomy of revolution. New York: W. W. Norton & Co, 1938. 319 p.

³⁹ Pettee G. S. The Process of Revolution. New York: Harper and Row, 1938. 167 p.

⁴⁰ Gurr T. R. A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices // American Political Science Review. 1968. Vol. 62. №. 4. P. 1104–1124.

⁴¹ Davies J. C. Toward a theory of revolution // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. No. 1. P. 5–19.

⁴² Johnson C. A. Revolutionary change. Boston: Little, Brown and Company, 1968. 228 p.

несбывшимся ожиданиям общества и состоянию социальной аномии как факторам возникновения революционной нестабильности. Наиболее известным примером этого является J-кривая Дж. Дэйвиса: принцип, согласно которому причиной революции является долгий период экономического роста, внушающего населению надежды на скорое и постоянное улучшение качества жизни, за которым следует неожиданный кризис.

Третье поколение изучения революций датируется 1970-1980-ми годами и связано с именами таких исследователей как Теда Скочпол⁴³, Шмуэль Айзенштадт⁴⁴, Эллен Тримбергер⁴⁵ и Джекфири Пейдж⁴⁶, а также Джек Голдстоун в ранний период своей работы. Третье поколение изучения революций ознаменовало собой «возвращение государства» в политическую науку: исследователи данного периода выделяли в качестве факторов начала революций крупные структурные факторы, которые связаны с характеристиками государства. Если рассматривать теорию Теды Скочпол, то революции возникают при одновременном крушении государственности (от внешних факторов) и крестьянском восстании⁴⁷. Хотя работа Теды Скочпол является одной из ключевых для понимания революций, нельзя сказать, что ее выводы применимы для революций в Африке южнее Сахары, так как в работе речь шла о так называемых «великих» революциях, которые носили фундаментальный социальный характер. При этом Теда Скочпол также писала и о революциях за пределами Европы и Восточной Азии в соавторстве с Джекфом Гудвином. Ставя своей задачей найти политические факторы революций, авторы приходят к выводу, что, хотя наличие бедности, профессиональных революционеров и крестьянского класса важно для революций, главным фактором появления активной революционной коалиции

⁴³ Скочпол Т. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 552 с.

⁴⁴ Eisenstadt S. Revolution and the Transformation of Societies. N.Y.: The Free Press, 1978. 348 p.

⁴⁵ Trimberger K. E. Revolution From Above: Military Bureaucrats and Development in Japan, Turkey, Egypt, and Peru. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1978. 196 p.

⁴⁶ Paige J. M. Agrarian Revolution: Social Movements and Export Agriculture in the Underdeveloped World. N.Y.: Free Press, 1975. 435 p.

⁴⁷ Скочпол Т. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 552 с.

является неопатриотическая диктатура с высоким уровнем дискриминации различных слоев населения и репрессий. В таких режимах также будет сравнительно более низкий контроль над коррумпированными администрацией и армией⁴⁸.

Другой крупный исследователь революций – Джек Голдстоун также пишет про структурные факторы революций в этот период. Он выделяет в качестве ключевых факторов стоимость еды и доступность трудаустроства. Также он отмечает, что городские восстания в столицах никогда не обеспечивали успешность революции. Для свершения революции необходимы как городские, так и сельские восстания одновременно⁴⁹ (впоследствии это будет опровергнуто – успешным революциям, сконцентрированным в столичном городе, посвящена книга Марка Бейссингера «The Revolutionary City»⁵⁰). Стоит отметить, что революции XXI века в значительной степени происходили именно в городах: так, революции Арабской весны преимущественно проходили в столицах, то же самое можно сказать и про куволюции в Сахеле.

Наконец, в 1990-х гг. появилось четвертое поколение изучения революций. Его фокус был иным: если в предыдущих поколениях в центре внимания оставались социальные революции, то в четвертом поколении появилась тенденция исследовать революции за пределами Европы и Китая, а также исследовать партизанские войны, антиколониальные восстания и многие другие подвиды революционных явлений. Также в четвертом поколении отказываются от выделения некой единой «схемы» появления революций: невозможно выделить набор факторов, который в рамках данного поколения встречался бы чаще остальных. Из наиболее известных

⁴⁸ Goodwin J., Skocpol T. Explaining revolutions in the contemporary Third World // Politics & Society. 1989. Vol. 17. No. 4. P. 489-509.

⁴⁹ Goldstone J. A. The comparative and historical study of revolutions // Annual Review of Sociology. 1982. P. 187-207.

⁵⁰ Beissinger M. R. The revolutionary city: Urbanization and the global transformation of rebellion. Princeton: Princeton University Press, 2022. 548 p.

представителей можно выделить таких исследователей, как Эрик Селбин⁵¹, Мисаг Парса⁵² и Джон Форан⁵³.

Важно отметить, что поколения теории революций – это один из возможных способов смотреть на развитие данной области. Некоторые исследователи критиковали данный подход за излишние обобщения: так, далеко не всех авторов в определенные временные периоды можно свести к некой единой парадигме⁵⁴. Одним из наиболее ярких примеров этому могут послужить работы отечественного исследователя Н.А. Симонии⁵⁵, которые сильно отличались как от советского научного дискурса, так и от третьего поколения теории революций 1970-х гг. В первую очередь исследования Н.А. Симонии были выполнены в марксистской традиции, которая появилась до поколений и имеет свой подход к изучению революций. При этом Н.А. Симония развивал крайне новаторские идеи о волнообразности политических революций: революции, в особенности в незападных странах, сначала значительно меняют политические и социальные устои, но впоследствии следует «откат» до значительно более консервативных позиций и, наконец, установление некоторой новой формации, не настолько радикальной как сразу после революции, но и не дореволюционной⁵⁶. Можно увидеть, что Н.А. Симония рассматривает революции как достаточно продолжительные процессы с неоднозначными результатами, и такой подход, по мнению многих авторов, является особенностью современных исследований революций⁵⁷.

Несмотря на четыре обширных поколения изучения революций, теория все равно не может дать однозначный ответ на вопрос, почему революции происходят. Интересной иллюстрацией этого является то, как в конце XX века

⁵¹ Selbin E. Modern Latin American Revolutions. Boulder, CO: Westview Press, 1993. 244 p.

⁵² Parsa M. States, Ideologies, and Social Revolutions: A Comparative Analysis of Iran, Nicaragua, and the Philippines. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 326 p.

⁵³ Foran J. Theories of revolution revisited: toward a fourth generation? // Sociological theory. 1993. Vol. 11. No. 1. P. 1-20.

⁵⁴ Beck C. J., Ritter D. P. Thinking beyond generations: On the future of revolution theory // Journal of Historical Sociology. 2021. Vol. 34, №. 1. P. 134–141.

⁵⁵ Симония Н. А. Страны Востока: пути развития. М: Наука., 1975. 383 с.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Beck C. J., Bukovansky M., Chenoweth E., Lawson G., Nepstad S. E., Ritter D. P. On revolutions: unruly politics in the contemporary world. Oxford: Oxford University Press, 2022. 260 p.

уже был объявлен «конец революций» и то, что в демократических режимах революций быть не может⁵⁸. В XXI веке данные идеи были опровергнуты: цветные революции, Арабская весна, а затем и новые революции по всему миру показали, что конец революций пока не наступил, а сами революции приобрели множество новых форм. В настоящее время исследователи понимают, что революция – это не событие, а процесс, который может достигать масштабов от отдельного эпизода в центре города, до революционных волн, охватывающих целые континенты, принимать вид многолетних гражданских войн и недолгих мирных протестов. В научном дискурсе «Революции» с большой буквы уступили место «революциям» с маленькой⁵⁹. При этом, несмотря на все это эмпирическое многообразие, как пишет Джордж Лоусон, объем теоретических знаний о революциях не увеличился⁶⁰. Такие исследователи революций, как Колин Бек⁶¹, Валентина Могадам⁶², Марк Бейссинджер⁶³, Даниэль Риттер⁶⁴ и уже упомянутый Джордж Лоусон утверждают, что теория революций в настоящий момент переживает кризис, во многом вызванный тем, что она не справляется с эмпирическими вызовами.

Именно в контексте образовавшегося научного вызова и в ходе событий Арабской весны появляется термин «куволюция». Впервые упомянутый Натаном Торонто⁶⁵ применительно к Египетской революции 2011 года, он впоследствии фигурирует в работах Роберта Спрингборга и Марка Бейссинджера. Спрингборг подчеркивает, что куволюция отличается от традиционного военного переворота по нескольким признакам. В первую

⁵⁸ Snyder R. S. The end of revolution? // The Review of Politics. 1999. Vol. 61. No. 1. P. 5-28.

⁵⁹ Beck C. J., Bukovansky M., Chenoweth E., Lawson G., Nepstad S. E., Ritter D. P. On revolutions: Unruly politics in the contemporary world. New York: Oxford University Press, 2022. 236 p.

⁶⁰ Lawson G. Within and beyond the “fourth generation” of revolutionary theory // Sociological Theory. 2016. Vol. 34. № 2. P. 106–127.

⁶¹ Beck C. J. Revolutions: Robust findings, persistent problems, and promising frontiers. States and peoples in conflict // Stohl M., Lichbach M., Grabosky P. (eds.) States and Peoples in Conflict. London: Routledge, 2017. P. 168-183.

⁶² Moghadam V. M. What is revolution in the 21st century? Towards a socialist-feminist world revolution. // Millennium. 2019. Vol. 47. No. 3. P. 470–482.

⁶³ Beissinger M. R. The Evolving Study of Revolution. // World Politics. 2024. Vol. 75. No. 5. P. 1–12.

⁶⁴ Beck C. J., Ritter, D. P. Thinking beyond generations: On the future of revolution theory. // Journal of Historical Sociology. 2021. Vol. 34. No. 1. P. 134–141.

⁶⁵ Toronto N. Egypt’s ‘Coup-volution’ // Middle East Insights. 2011. Vol. 6. P. 1-3.

очередь, военный переворот, происходящий в рамках куволюции, подразумевает предупредительное действие, которое выполняется с целью не допустить дальнейшей дестабилизации. Однако главная отличительная особенность данного революционного события, по мнению автора, заключается в том, что армия действует, по сути, от лица протестующих и выполняет их требования, таким образом осуществляя нечто среднее между переворотом и революцией. По мнению Роберта Спрингборга, подобное говорит о специфическом положении армии в регионе Ближнего Востока, где она «управляет, но не правит»⁶⁶. В следующей работе, посвященной вопросу куволюции в Египте, Роберт Спрингборг подчеркивает, что несмотря на то, что куволюция фактически прекратила правление Хосни Мубарака, она далеко не полностью уничтожила его режим. По мнению Роберта Спрингборга, режим Хосни Мубарака продолжает существовать, просто под управлением президента Абдель-Фаттаха ас-Сиси и с полностью другим правительством⁶⁷.

В работе Марка Бейссинджера есть не только определение куволюции, но и подсчеты того, как часто куволюции происходят. Среди всех революционных эпизодов периода с 1900 по 2014 гг. куволюции составили 12%, при этом большинство таких событий имело место в Латинской Америке и на Ближнем Востоке, что вновь подчеркивает важность и уникальность текущих событий в Африке⁶⁸.

Куволюции фигурируют в различных научных работах и изучаются различными авторами. Но по-прежнему можно говорить о малоизученности явления. И если такие авторы, как Кевин Кехлер, Холгер Альбрехт⁶⁹, Марианна Даль, Кристиан Гледич⁷⁰, Карен Раслер, Виллиам Томпсон и Хичам

⁶⁶ Springborg R. Learning from failure: Egypt. Bruneau T. C., Matei F. C. (eds.) The Routledge Handbook of Civil-Military Relations. New York: Routledge, 2012. P. 113-129.

⁶⁷ Springborg R. Caudillismo along the Nile. // The International Spectator. 2016. Vol. 51. No. 1. P. 74–85.

⁶⁸ Beissinger M. R. The revolutionary city: Urbanization and the global transformation of rebellion. Princeton: Princeton University Press, 2022. 548 p.

⁶⁹ Koehler K., Albrecht H. Revolutions and the military: Endgame coups, instability, and prospects for democracy. Armed Forces & Society. 2021. Vol. 47. No. 1. P. 148–176.

⁷⁰ Dahl M., Gleditsch K.S. Clouds with silver linings: how mobilization shapes the impact of coups on democratization. // European Journal of International Relations. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 1017–1040.

Бу Нассиф⁷¹ изучали последствия куволюций с точки зрения изменения режима в пользу большей демократичности или авторитарности, то касательно факторов возникновения куволюций можно говорить об отсутствии работ, в которых бы подробно изучался данный аспект. Как можно судить, например, по работе Золтана Барани, посвященной реакции армий на революционные события, факторы, определяющие характер этой реакции, многочисленны, а их важность варьируется от страны к стране. Более того, говоря о куволюциях, мы не говорим лишь о реакции военных и о военно-гражданских отношениях, а о непосредственном участии в революционном эпизоде.

Учитывая текущее положение теории революций, куволюции и их изучение становятся крайне важными для ее дальнейшего развития. Эту важность стоит поместить в контекст эволюции современных революций. В первую очередь, современные революции в гораздо большей степени перенимают ненасильственную тактику⁷². Данная тактика становится эффективной в условиях городской среды, где большое количество людей способно заблокировать правительственные и административные здания⁷³. Изменилось содержание революционных целей: социальные цели, распространенные в начале XX века и требующие фундаментальных изменений общественного порядка, стали редкостью в XXI веке⁷⁴. Некоторые авторы называют это переходом от Революций с заглавной буквы «Р» к

⁷¹ Rasler K., Thompson W. R., Bou Nassif H. The extent of military involvement in nonviolent, civilian revolts and their aftermath. // Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 739–779.

⁷² Chenoweth E., Shay C. W. Updating nonviolent campaigns: Introducing NAVCO 2.1 // *Journal of peace research*. 2022. Vol. 59. No. 6. P. 876-889.

⁷³ Beissinger M. R. *The revolutionary city: Urbanization and the global transformation of rebellion*. Princeton: Princeton University Press, 2022. 548 p.

⁷⁴ Allinson J. A fifth generation of revolution theory? // *Journal of Historical Sociology*. 2019. Vol. 32. No. 1. P. 142-151.

революциям с маленькой буквы «р»⁷⁵. При этом современные революции имеют слабовыраженное руководство, организацию и идеологию⁷⁶.

На фоне вышеуказанных процессов произошло сближение революций с другими формами нестабильности⁷⁷. Одной из форм такого сближения становится куволюция. Куволюция способна стать логичным продолжением современного революционного движения, которое является ненасильственным, не имеет четкого плана и готовой организации для захвата власти и имеет преимущественно политические цели. Военные имеют ресурсы для принуждения правителей к передаче полномочий, имеют также и готовую иерархию для занятия управленческих позиций. Иными словами, в контексте развития революций куволюции имеют потенциал стать более распространенными, что отчасти уже отобразилось в Арабской весне и в переворотах в Сахеле.

В дополнение стоит отметить, что в теории революций всегда существовал и существует запрос на исследование различных гибридных форм революционных преобразований. Примером близких к куволюции концепций являются, например, «революции сверху» Эллен Тримбергер⁷⁸ и «пассивные революции» Антонио Грамши⁷⁹. Можно также отметить «договорные революции» Джорджа Лоусона как пример более современной гибридной концепции⁸⁰. Учитывая все вышесказанное, запрос на понимание и изучение куволюций в рамках теории революций существует и остается одной из перспективных тем в рамках данного направления.

⁷⁵ Ritter D. P. The (R)evolution is dead, long live the (r)evolution! // Contention. 2019. Vol. 7. No. 2. P. 100–107.

⁷⁶ Bayat A. Revolution without revolutionaries: Making sense of the Arab Spring. Stanford: Stanford University Press, 2020. 312 p.; Alizadeh Saylab G. Lack of leadership in the fifth generation of revolutions, The factor of victory or defeat of the revolution // The Revolutionary Research. 2024. Vol. 1. No. 2. P. 37-68.

⁷⁷ Tilly C. To explain political processes // American Journal of Sociology. 1995. Vol. 100. No. 6. P. 1594–1610.; Abrams B. A fifth generation of revolutionary theory is yet to come // Journal of Historical Sociology. 2019. Vol. 32. No. 3. P. 378-386.

⁷⁸ Trimberger E. K. Revolution from above: Military bureaucrats and development in Japan, Turkey, Egypt, and Peru. New Brunswick: Transaction Publishers, 1978. 196 p.

⁷⁹ Gramsci A. The Gramsci reader: selected writings, 1916-1935. New York: NYU press, 2000. 444 p.

⁸⁰ Lawson G. Negotiated revolutions: the prospects for radical change in contemporary world politics // Review of International Studies. 2005. Vol. 31. No. 3. P. 473-493.

Таким образом, можно говорить о низком уровне знаний о причинах, по которым куволюции происходят. При этом существование данного феномена, его важность и необходимость его понимания для теории революций являются уже признанными для науки фактами. Исходя из всего вышесказанного, куволюции в Сахеле представляют возможность развить наши теоретические и эмпирические знания о них и, таким образом, продвинуть область исследования революций вперед.

Так как неотъемлемой составляющей куволюции является военный переворот, то поиск потенциальных факторов ее возникновения не может игнорировать богатую историю изучения переворотов. Касаемо военных переворотов (в их классическом понимании, без протестов и революционной мобилизации), традиционным регионом для их исследования долгое время была Латинская Америка. Только за первую половину XX века в этом регионе произошло более сотни военных переворотов. Однако во второй половине XX века после деколонизации Африки перевороты стали частым явлением в этом регионе, и фокус исследований сместился туда. На протяжении долгого времени авторы пытаются выделить факторы, которые приводят к военным переворотам. Такие авторы, как Самюэл Декало⁸¹, Эрик Нордлингер⁸², Роузмари О'Кейн⁸³, Панайотис Ватикиотис⁸⁴, Робин Лакхэм⁸⁵, Патрик МакГован⁸⁶, Себастьян Элишер⁸⁷ и многие другие проделали большую работу по поиску причин, по которым происходят военные перевороты.

Отдельно стоит выделить и отечественные исследования переворотов. Огромный вклад в изучение военных переворотов внес Г. И. Мирский,

⁸¹ Decalo S. The Stable Minority: Civilian Rule in Africa, 1960-1990. Gainesville: Florida Academic Press Inc, 1998. 344 p.

⁸² Nordlinger E. A. Soldiers in politics: Military coups and governments. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1977. 244 p.

⁸³ O'Kane R. H. A probabilistic approach to the causes of coups d'état. British Journal of Political Science. Vol. 11. No. 3. P. 287-308.

⁸⁴ Vatikiotis P. J. Nasser and his generation. London: Croom Helm, 1978. 375 p.

⁸⁵ Luckham R. The military, militarization and democratization in Africa: A survey of literature and issues. // African Studies Review. 1994. Vol. 37. No. 2. P. 13-75.

⁸⁶ McGowan P. J. African military coups d'état, 1956–2001: frequency, trends and distribution // The Journal of Modern African Studies. 2003. Vol. 41. No. 3. P. 339-370.

⁸⁷ Elischer S., Lawrence B. N. Reassessing Africa's new post-coup landscape. // African Studies Review. 2022. Vol. 65. No. 1. P. 1-7.

изучивший, сравнивший и систематизировавший большое количество взаимодействий между армией, государством и обществом в Африке и в Азии⁸⁸. При этом можно утверждать, что Г. И. Мирский во многом опередил зарубежных исследователей, выдвигая тезисы о превентивном характере переворотов в Азии и Африке (армии стремятся сохранить статус-кво и не допустить то или иное развитие событий)⁸⁹, об антиимпериалистическом характере части переворотов⁹⁰ и о том, что военные могут представлять собой национальных или социальных революционеров⁹¹. Отдельно стоит отметить, как Г. И. Мирский отдельно выделяет политизацию армии как результат ее особого положения в обществе и понимания офицерами своей исторической и политической ответственности⁹².

Традиции отечественных исследований армий в странах Африки сохраняются и активно развиваются. Нельзя не упомянуть коллективную монографию Института Африки РАН «Африка: Политическое развитие и армия»⁹³, в которой авторы подробно рассматривают характеристики африканских армий, военных режимов, а также причины военных переворотов. Причины переворотов зачастую так или иначе связаны с недовольством военных действующей властью и ее обогащением, и стремлением стать этой властью, однако подчеркивается, что есть также и перевороты, чьи цели были гораздо более масштабными (в качестве примера можно привести переворот Тома Санкары в 1983 г.).

В целом, причины государственных переворотов, описанные в классической литературе, можно разделить на две основные группы: политические и экономические. Политические перевороты в основном связаны с положением армии в стране и амбициями военачальников. Африканские военные стремятся защитить свои корпоративные интересы,

⁸⁸ Мирский Г. И. Третий мир: общество, власть, армия. М.: Наука, 1976. 408 с.

⁸⁹ Там же. С. 66.

⁹⁰ Там же. С. 211.

⁹¹ Там же. С. 384.

⁹² Мирский Г. И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М.: Наука, 1970. 352 с.

⁹³ Африка: политическое развитие и армия. Колл. монография. М.: Институт Африки РАН, 2020. 380 с.

такие как бюджеты и автономия, конкурируя при этом с государственными структурами⁹⁴. Ученые также утверждают, что переход от демократического правления к авторитарному делает военных главным проводником авторитарных репрессий, что может спровоцировать военных действовать независимо и вмешиваться в дела правительства⁹⁵.

Экономическая подоплека государственных переворотов в основном связана с экономическим благополучием государства в целом. Экономические лишения, стагнация и низкие показатели ВВП на душу населения являются одними из наиболее часто упоминаемых факторов военных переворотов⁹⁶. В ситуации острого экономического кризиса, угрожающего безопасности страны, военные могут рассматривать государственный переворот как средство оживления экономики путем демонтажа системы⁹⁷.

Традиции отечественных исследований армий в странах Африки сохраняются и активно развиваются. Нельзя не упомянуть коллективную монографию Института Африки РАН «Африка: Политическое развитие и армия»⁹⁸, в которой авторы подробно рассматривают характеристики африканских армий, военных режимов, а также причины военных переворотов. Причины переворотов зачастую так или иначе связаны с недовольством военных действующей властью и ее обогащением, и стремлением стать этой властью, однако подчеркивается, что есть также и перевороты, чьи цели были гораздо более масштабными (в качестве примера можно привести переворот Тома Санкары в 1983 г.).

Стоит отметить, что куволюции и их изучение может быть принципиально важным для изучения военных переворотов. Военные

⁹⁴ Nordlinger E. A. *Soldiers in politics: Military coups and governments*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1977. 244 p.

⁹⁵ Zolberg A. R. The structure of political conflict in the new states of tropical Africa. // *American Political Science Review*. 1968. Vol. 62. No. 1. P. 70–87.

⁹⁶ Johnson T. H., Slater R. O., McGowan P. Explaining African military coups d'état, 1960–1982. // *American Political Science Review*. 1983. Vol. 78. No. 3. P. 622–640.

⁹⁷ O'Kane R. H. A probabilistic approach to the causes of coups d'état. *British Journal of Political Science*. Vol. 11. No. 3. P. 287–308.; Gassebner M., Gutmann J., Voigt S. When to expect a coup d'état? An extreme bounds analysis of coup determinants // *Public Choice*. 2016. Vol. 169. P. 293–313.

⁹⁸ Африка: политическое развитие и армия. Колл. монография. М.: Институт Африки РАН, 2020. 380 с.

перевороты стали крайне распространенным явлением после конца Второй мировой войны и в эпоху деколонизации. В 1960-х гг. произошло 103 успешных военных переворота, в то время как в 1970-х гг. — 95⁹⁹. Однако после конца Холодной войны число начало падать. В качестве одной из причин данного падения можно выделить крах биполярного мира. Во время Холодной войны международное сообщество было разделено на два основных лагеря, и перевороты в различных странах обычно либо проходили незамеченными, либо вызывали поддержку от одного из лагерей¹⁰⁰. Таким образом, перевороты в данный период становятся для армейских офицеров возможностью захватить власть фактически без негативных международных последствий и без риска оказаться в изоляции. С завершением Холодной войны у военных переворотов появляются серьезные международные последствия: с установлением либерального порядка как нормы западные страны и наднациональные организации начинают осуждать перевороты и накладывать на государства санкции в случае если власть меняется в результате военного вмешательства¹⁰¹. В ситуациях международной изоляции новому режиму гораздо тяжелее выжить¹⁰². Таким образом, для легитимации военных переворотов военным становится выгодно объявлять их продемократическими и проводить их на фоне протестных движений¹⁰³. Некоторые исследования показывают, что после конца Холодной войны резко возросла доля военных, которые оправдывали свои действия во время

⁹⁹ Buchholz K. Number of Coups Up But Still Behind Historical Highs // Statista. February 19, 2025. URL: <https://www.statista.com/chart/11905/number-of-registered-coups-attempted-coups-and-conspiracies/> (дата обращения: 02.06.2025).

¹⁰⁰ Yukawa T. et al. Coup d'état and a democratic signal: The connection between protests and coups after the Cold War // Journal of Peace Research. 2022. Vol. 59. No. 6. P. 828-843.; Tansey O. Lowest common denominator norm institutionalization: The anti-coup norm at the United Nations // Global Governance. 2018. Vol. 24. P. 287-305.

¹⁰¹ Marinov N., Goemans H. Coups and democracy // British Journal of Political Science. 2014. Vol. 44. No. 4. P. 799-825.; Shannon M. et al. The international community's reaction to coups // Foreign Policy Analysis. 2015. Vol. 11. No. 4. P. 363-376.

¹⁰² Thyne C. et al. Even generals need friends: How domestic and international reactions to coups influence regime survival // Journal of Conflict Resolution. 2018. Vol. 62. No. 7. P. 1406-1432.

¹⁰³ Yukawa T. et al. Coup d'état and a democratic signal: The connection between protests and coups after the Cold War // Journal of Peace Research. 2022. Vol. 59. No. 6. P. 828-843.

переворота «демократией»¹⁰⁴. Учитывая все вышесказанное, куволюция становится привлекательным способом трансформации режима.

Вышеуказанная логика особенно ярко прослеживается на примере Ближнего Востока и Арабской весны. В период Холодной войны Ближний Восток был одним из главных очагов военных переворотов в мире¹⁰⁵. С 1991-го года их количество в регионе резко падает, но, начиная с 2011 года вновь начинается рост¹⁰⁶. Арабская весна стала катализатором изменения роли армий в регионе: в ходе протестных кампаний по всему региону армии активно занимали позиции либо против оппозиции, либо против режима¹⁰⁷. Египетская революция 2011 года стала не только примером для протестных кампаний по всему миру, но и примером для военных по организации переворота, который не будет осужден. Египетские военные сделали много заявлений и сигналов о том, что они представляют «волю народа»¹⁰⁸. В данном случае имело действенный эффект: переворот 2011 года практически никто не осудил, а в истории он остался именно революцией.

Эволюция военных переворотов, изложенная выше, прослеживается достаточно четко, в том числе и в Африке южнее Сахары¹⁰⁹. Однако существует проблема, которая заключается в том, что далеко не все протестные кампании в мире заканчиваются военными переворотами. Концентрация военных переворотов в определенных регионах объясняется высоким политическим весом армии в них, а также наличием у армии экономических интересов, требующих защиты (как это было в Египте). Таким образом, связка военных переворотов и протестных кампаний, а также рост числа куволюций прослеживаются в контексте изменения международного

¹⁰⁴ Yukawa T., Hidaka K., Kushima K. Coups and framing: how do militaries justify the illegal seizure of power? // Democratization. 2020. Vol. 27. No. 5. P. 816-835.

¹⁰⁵ Ma W. The dynamics of military coups in the contemporary Middle East: a structural perspective // Asian Review of Political Economy. 2025. Vol. 4. No. 1. P. 1-18.

¹⁰⁶ Ibid.

¹⁰⁷ Saruhan A. Understanding the Military Behavior in the Middle East and North Africa: Before and After the Arab Uprisings // Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi. 2021. Vol. 6. No. 1. P. 1-17.

¹⁰⁸ Saruhan A. Understanding the Military Behavior in the Middle East and North Africa: Before and After the Arab Uprisings // Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi. 2021. Vol. 6. No. 1. P. 1-17.

¹⁰⁹ Ayoola A. O., Ojo S. A., Kugbayi O. The fragility of democracy in Africa: Are military coups d'état a never-ending issue? // PanAfrican Journal of Governance and Development. 2024. Vol. 5. No. 2. P. 80-104.

порядка. Учитывая глобальные трансформации, идущие в 2020-х гг., можно предположить, что куволюций станет больше. При этом, механизм их возникновения до конца не понят.

Цель и задачи исследования

Цель диссертационного исследования — выявление комбинаций факторов куволюций в странах Сахеля на основе изучения и сравнения отдельных кейсов в этом регионе.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнение следующих задач:

- 1) Рассмотреть и систематизировать существующие в современной политической науке подходы к революциям и военным переворотам;
- 2) Выявить основные характеристики куволюций;
- 3) Провести сравнительный кейс-стади нескольких случаев куволюций в странах Сахеля;
- 4) Выявить общие для рассматриваемых кейсов факторы возникновения куволюций;
- 5) На основе качественного сравнительного анализа (QCA) протестных кампаний в регионе выявить, какие комбинации факторов способны привести к возникновению куволюций.

Методология диссертационного исследования

В первую очередь, данная работа опирается на теорию революций, разработанную Джеком Голдстоуном, и предложенный им «поколенческий» подход. В рамках данного подхода в настоящий момент исследователи революций стремятся расширить и углубить научное понимание революционных эпизодов, одним из типов которых является куволюция. В рамках данной работы приводится подробная концептуализация и операционализация понятия «куволюция», основанная на наработках

последних поколений теорий революции, выделяемых в контексте данного подхода.

В рамках данной работы используется два основных метода для выявления факторов революции: кейс-стади и качественный сравнительный анализ (QCA). Использование кейс-стади необходимо для углубленного понимания произошедших в странах Сахеля революций: в силу того, что в данной работе фактически предпринимается первая попытка обобщить и систематизировать революции в Сахеле, то представляется важным проследить то, как начиналась, проходила и чем закончилась каждая из рассматриваемых революций. Каждый кейс рассматривается по одинаковой схеме, в которой фиксируются протестные движения и их причины накануне военного вмешательства, факт вмешательства военных и его основные последствия. Таким образом, можно выделить общие характеристики проходящих в странах процессов.

Качественный сравнительный анализ пытается установить связь между набором определенных условий и набором исходов различных процессов. В случае исследований социальных и политических феноменов, данный метод позволяет соотносить комбинации факторов с определенными общественными сценариями. QCA использует математическую логику и анализирует данные путем перечисления всех комбинаций переменных и определения того, какие комбинации ведут к заданным исходам. В определенном смысле QCA является компромиссным методом между качественными и количественными методами: он использует формальную логику и кодированные переменные, но при этом позволяет анализировать события, по которым может не быть достаточного количества статистических данных.

Метод QCA был разработан Чарльзом Рейгином в 1987 году и с тех пор активно развивался при участии других ученых¹¹⁰. Всего появилось несколько

¹¹⁰ Regin C. C. The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies. Oakland: Univ of California Press, 2014. 203 p.

основных видов качественного сравнительного анализа: QCA четких множеств (crisp-set QCA), используемый в случае разделения переменных по бинарному принципу; QCA нечетких множеств (fuzzy-set QCA), используемый в случае небинарного распределения переменных от 0 до 1; и многозначный QCA (multi-value QCA), в котором переменные отражены различными натуральными числами. В данном исследовании используется QCA четких множеств (crisp-set QCA).

Для данного исследования QCA представляет ценность, так как позволяет на основе выявленных в рамках кейс-стади факторов провести более широкое сравнение — сравнить куволюции в странах Сахеля с другими случаями революционных эпизодов в Африке. Это позволит увидеть, какие комбинации факторов приводят к куволюциям, а какие для них не характерны.

Если говорить о выборе кейсов и границах исследования, то географическими границами исследования является 1) для целей кейс-стади — регион Сахеля; 2) для целей QCA — регион Сахеля, а также сопредельные страны, в которых были зафиксированы революционные эпизоды. Временные рамки данного исследования: 2017–2023 гг., но по необходимости будут рассматриваться и более ранние кейсы. Для QCA отбирались наблюдения, которые хронологически относятся к третьей волне революций XXI века, которая началась в 2017–2018 гг.

Выбор кейсов для данной работы осуществлялся следующим образом: для кейс-стади выбирались страны Сахеля, в которых произошел военный переворот в конце 2010-х — начале 2020-х гг. Таким образом, в список для анализа вошли Буркина-Фасо (перевороты в 2014 и 2022 гг.), Мали (переворот в 2020 г.), Нигер (переворот в 2023 г.), Судан (перевороты в 2019 и 2021 гг.) и Гвинея (переворот в 2021 г.). Для качественного сравнительного анализа (QCA) были взяты случаи протестных кампаний из временного периода с 2017–2018 гг. по 2024 г. Данный временной период был выбран, так как он

относится к третьей революционной волне XXI века¹¹¹, и совпадает с подъемом переворотов в Сахеле.

Источники данных

В рамках данного диссертационного исследования использовались данные Всемирного банка¹¹², Индекс государственной хрупкости организации The Fund for Peace¹¹³, Глобальный индекс терроризма, основанный на Global Terrorism Database¹¹⁴, показатели базы данных V-Dem по контролю над территорией страны¹¹⁵, а также данные, представленные в различных докладах ООН. В исследовании также активно используется база данных революционных эпизодов, собранная Центром изучения стабильности и рисков Факультета социальных наук НИУ ВШЭ, получившая название «Revolutions' Dataset», версии 1.1. В базе данных собрано 228 эпизодов в 103 различных уникальных странах.

В качестве основы для изучения хода событий в отдельных странах использовались аналитические и новостные материалы таких международных источников, как Reuters, Al Jazeera, Agence France-Presse, Jeune Afrique, The Conversation, The Economist и другие.

Научная новизна

Исследование позволяет внести существенный вклад в политическую науку следующим образом. Научная новизна диссертации заключается в выявлении особенностей и факторов куволюций в регионе Сахеля.

¹¹¹ Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. Introduction. Changing yet persistent: Revolutions and revolutionary events // Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (eds.) Handbook of revolutions in the 21st century: The new waves of revolutions, and the causes and effects of disruptive political change. Cham : Springer International Publishing, 2022. P. 1-34.

¹¹² World Development Indicators Online. Washington DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/> (дата обращения: 10.01.2025).

¹¹³ The Fund for Peace. Fragile States Index Annual Report. // Fund for Peace. 2025. <https://fragilestatesindex.org/indicators/> (дата обращения: 15.12.2024)

¹¹⁴ Global Terrorism Index 2025. // Vision of Humanity. 2025. URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (дата обращения: 10.01.2025)

¹¹⁵ Herre B., Arriagada P., Roser M. State Capacity. // Our World in Data. 2022. URL: <https://ourworldindata.org/state-capacity> (дата обращения: 19.08.2024)

1. Впервые термин «куволюция» концептуализирован и операціонализирован как отдельный тип революции. В частности, вклад автора состоял в выстраивании логики эволюции понятия «куволюция», его развития на протяжении времени и его концептуализации.

2. Выявлены характеристики куволюций, которые отличают данный тип революций от других. Также было продемонстрировано, что куволюции бывают двух типов.

3. Было показано, что куволюции возникают в ситуациях, где наблюдаются кризис легитимности власти и кризис национальной безопасности. Под кризисом национальной безопасности понимается высокий уровень террористической угрозы, сепаратистские движения на территории страны и низкий контроль государства над территорией.

4. Комбинации факторов возникновения куволюции были впервые проанализированы в рамках качественного сравнительного анализа (QCA). Было продемонстрировано, что куволюции возникают в результате комбинаций факторов, которые включают невооруженный характер протестной кампании и низкий уровень контроля над территорией страны.

5. Данное исследование также является первым исследованием, которое ищет факторы возникновения куволюций, в то время как предыдущие исследования фокусировались либо на отдельных кейсах, либо на последствиях куволюций. Иными словами, до сих пор отсутствовало систематическое исследование причин куволюций.

Положения, выносимые на защиту

1) Есть все основания рассматривать куволюцию как отдельный тип революции, характеризующийся наличием массовой мобилизации и участием военных, которые организуют переворот и частично реализуют запросы оппозиции.

2) Большое число куволюций в Сахеле объясняется сочетанием революционных волн, высокого политического веса армий в странах региона

и низким уровнем международного контроля, что создает множество ситуаций, в которых армия способна перехватывать власть.

3) Куволюция имеет два вида: первый, в котором массовая мобилизация предшествует военному перевороту; второй, в котором военный переворот становится триггером массовой мобилизации.

4) Одним из факторов возникновения куволюций в странах Сахеля является делигитимация власти. Куволюции происходили либо после выборов со спорными результатами, либо после спорных конституционных референдумов.

5) Одним из факторов возникновения куволюций в странах Сахеля является кризис национальной безопасности. Данный кризис проявляется либо в наличии сепаратистских движений на территории страны, либо в высокой террористической угрозе, выражющейся в большом количестве террористических актов в стране, либо в случае комбинации данных угроз.

6) Для возникновения куволюций наибольшим потенциалом обладают комбинации факторов, которые включают невооруженный характер протестного движения. Невооруженные протестные движения, в отличие от вооруженных, не носят характер угрозы национальной безопасности.

7) Для возникновения куволюций наибольшим потенциалом обладают комбинации факторов, которые включают низкий уровень контроля над территорией страны. Низкий уровень контроля над территорией страны также является проявлением угрозы национальной безопасности.

Апробация работы

Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в ведущих рецензируемых **научных изданиях**, рекомендованных НИУ ВШЭ:

1. Issaev L., Korotayev A., Fain E. Impact of the Arab Spring on Terrorist Activity in the Sahel // Ideology and Politics Journal. 2021. Vol. 19. No. 3. P. 34–49.

2. Файн Е. Д. Феномен «куволюций» в странах Африки // Азия и Африка сегодня. 2023. № 10. С. 53–58.
3. Fain E. Coupvolution in Sudan in 2019 as an Episode of World System Reconfiguration // Journal of Globalization Studies. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 147–162.

Выступления с результатами диссертационного исследования были представлены на следующих **международных научных конференциях**:

1. Российско-танзанийская научная конференция «Место Африки в мире в прошлом и настоящем» (г. Дар-эс-Салам, Институт Африки РАН, 1-3 марта 2024 г.). Доклад: The Resurgence of Coup d’Etats in Francophone Africa in the Last Decade (2013–2023)
2. Российско-танзанийская научная конференция «Место Африки в мире в прошлом и настоящем» (г. Дар-эс-Салам, Институт Африки РАН, 1-3 марта 2024 г.). Доклад: Factors and Consequences of Military Coup of 2021 in the Republic of Guinea.

Основное содержание работы

В главе I рассматриваются классические и современные теории революций (от марксистского и модернизационного подходов до бихевиористских и структурных моделей). Отмечается кризис революционной теории, связанный с неспособностью объяснить новые формы революционного процесса. Параллельно с этим приводится сравнительный анализ современных определений понятия «революция» и «революционный эпизод», которые являются достаточно инклюзивными, чтобы оперировать понятиями, сочетающими различные виды режимной трансформации. Вводится понятие «куволюции» — гибридного политического события, сочетающего массовую протестную мобилизацию и военный переворот. Подчёркивается необходимость объединения теорий революций и переворотов для объяснения новых типов нестабильности, особенно в контексте стран Сахеля и Западной Африки.

Понятие «куволюция» фактически впервые анализируется во временном контексте, от своих самых первых появлений в 2011 году и к текущему положению, где оно уже используется в научной литературе, но отсутствуют исследования, посвященные его концептуализации, типам и причинам. Отдельно также выделяется и наличие двух типов куволюций, с разной последовательностью протестной мобилизации и переворота.

Глава II включает анализ пяти кейсов: Буркина-Фасо, Мали, Нигера, Судана и Гвинеи. Для каждого случая описаны предшествующие протестные движения, поведение военных, внутриполитический контекст, международные факторы и последствия переворотов. В рамках кейс-стади установлено, что куволюции возникают при сочетании делегитимации власти, невооруженной протестной мобилизации, наличия угрозы национальной безопасности, и антифранцузских настроений (в случае франкофонных стран). Каждая из разобранных куволюций начиналась в результате политического кризиса, который ставил под вопрос легитимность действующего правительства. За этим кризисом следовала протестная мобилизация, которая проходила либо под руководством оппозиционных партий или иных организаций, ставящих своей целью смену режима. После начала протестных мобилизаций, спустя некоторое время, военные проводили военные перевороты, которые занимали день и встречали поддержку населения.

При этом куволюции происходили в контексте кризиса безопасности в каждой отдельной стране и во всем регионе, в результате распространения террористических и сепаратистских организаций по всему Сахелю.

В рамках **главы III** был проведен качественный сравнительный анализ (QCA), в рамках которого была собрана информация о 16 протестных движениях в Африке южнее Сахары за последние несколько лет, часть из которых закончилась переворотом. Для каждого наблюдения было собрано 6 переменных, отражающих характер движения (стратегия и цели), государственный контроль над территорией, государственную «хрупкость», число участников и террористическую угрозу.

В рамках анализа было показано, что одновременно достаточным и необходимым для куволюции сочетанием факторов является невооруженность протеста и низкий контроль над территорией страны. Параллельно с этим, был проведен и анализ отрицательных значений. В результате получилось, что достаточными факторами для того, чтобы куволюция не случилась, являются вооруженность протеста и высокий контроль над территорией страны. Данный анализ позволил расширить контекст исследования и провести сравнение сразу нескольких революционных эпизодов, которые не могли бы уместиться в рамках кейс-стади. В рамках анализа удалось показать, что в регионе существует два основных сценария, ведущих к куволюции. В одном наблюдается высокий уровень участия населения, демократический характер движения и высокий уровень «хрупкости»; в то время как в другом наблюдается низкий уровень участия и недемократический характер движения, но при этом высокий уровень террористической угрозы.